

ЛИНГВИСТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 81-112

*Е. А. Абрамова, Ю. Г. Захарова (г. Хабаровск)
Тихоокеанский государственный университет*

Лексика цвета в словарях русского языка XIX в.

В статье рассматриваются принципы описания семантики цвета, которые применялись в словарях русского языка XIX века. Анализируются степень сохранности мотивационных связей и динамические процессы в семантической структуре колоративов в XIX в.

Ключевые слова: лексикография, словари русского языка XIX века, лексика цвета, колоратив

Вопрос лексикографического описания лексики цвета уже давно занимает ученых-лингвистов (А. П. Василевич, Е. А. Косых, О. В. Крамкова, В. К. Харченко и др.). По мнению О. В. Крамковой, несмотря на глубокое изучение цветообозначений в различных языковых аспектах, научное описание колоративов стало фиксироваться в словарях в сравнительно недавнее время и до сих пор нуждается в доработке [6, с. 568].

В большинстве лексикографических источников разделяются ахроматические цвета (*черный, серый, белый*) и основные цвета спектра (*красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый*). Также в словарях зафиксировано множество номинаций смешанных цветов, получаемых из основных (*лиловый, малиновый, аквамарин, коричневый* и др.). Цветов, полученных в результате смешения, существенно больше, и если ахроматические цвета и семь основных цветов дифференцируются достаточно четко, то смешанные нуждаются в тщательном описании для возможности их опознавания.

Один и тот же смешанный цвет может подходить под несколько определений: например, *сиреневый* – то же, что *лиловый*, то же, что *светло-фиолетовый*, то же, что *розоватый*. Но только цветы сирени являются эталоном для опознавания колоратива. Исходя из этого большинство лексикографов описывает этот колоратив, используя определение «цвет сирени».

Обычно подобными эталонами выступают различные объекты материального мира, достаточно знакомые носителю языка для четкого представления

об их качественных характеристиках. В число объектов, выполнявших функцию эталона, входили различные съедобные и несъедобные растения (*апельсиновый, маргаритовый* и др.), названия природных материалов (*песочный, рудой*), названия представителей животного мира (*вороной, мышастый, пюсовый*), названия предметов (*порфиновый*).

Описание цветообозначений через отождествление с эталоном материального мира (внеязыковой действительности) принято относить к образной, не научной номинации. Таким методом пользовался В. И. Даль при описании цветономинативной лексики. Следуя гнездовому принципу расположения словарного материала, составитель отразил мотивационные связи колоративов, а также дал представление о них через образное восприятие. Кроме того, В. И. Даль толкует значение цветономинаций через включение их в синонимический ряд.

В академических словарях часто используются и другие приемы. Например, при описании значения цвета часто указывается на его спектральный характер, что является проецированием научного знания на языковое значение. Начало такому описанию семантики цвета было положено в первом издании «Словаря Академии Российской». В это же время разрабатывалась спектральная теория цвета, в создании которой принимало участие множество ученых всего мира (в этом числе и М. В. Ломоносов, создавший работу «Слово о происхождении света, новую теорию о цветах представляющее»).

По замечанию А. Вежбицкой, указание на спектральную характеристику цвета как бы «оказывается некстати, если нас интересует значение, и если под значением мы понимаем то, что люди имеют в виду, когда они употребляют слова <...>» [3, с. 236]. В академических словарях отражена концепция, согласно которой, цвет – это ощущение, получаемое человеком при восприятии световых лучей, отраженных от поверхностей различного качества. Также большое внимание уделяется преломлению светового пучка и степени подверженности ему различных цветов. Все это затрудняет восприятие значения семантики цвета: например, в «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.) колоратив *красный* характеризуется как «отражающий один из цветов радуги, подверженный менее прочих преломлению лучей» [9, т. 2, с. 217].

На материале словарей русского языка XIX века можно проследить степень сохранности связей колоративов со своими производящими и процессы в семантической структуре колоративов, связанные с утратой мотивационных связей.

Красный – древнее общеславянское слово, производное от *краса*, родственное древнеисландскому *hrosa* – «хвалиться» и имевшее исходное значение

«красивый». Первоначальное значение слова не было связано с цветом, оно сохранилось во всех современных славянских языках, кроме русского [1, с. 162].

Насколько можно судить по материалам лексикографических источников, колебания в семантике прилагательного происходили в течение достаточно долгого времени. Кроме того, возникает явление диффузии значения цвета и качества. Так, в словаре В. И. Даля фиксируется словосочетание *красный лес* – «хвойный», он мог быть так назван как по красноватому цвету древесины и коры, так и по качеству древесины (наиболее прочной, обычно используемой для кораблестроения).

«Словарь Академии Российской» показывает, что по крайней мере к началу XIX века в русском языке произошло переосмысление механизма первичной и вторичной номинации для колоратива *красный*. Значения цвета даются в словаре сначала, в качестве прямых, а значения «красивый», «хороший» – после, как переносные: «1) один из простых цветов, меньше прочих преломлению лучей подверженный; 2) относительно к телам: цветом на кровь похожий; 3) относительно к лицу значит: лепый, пригожий; 4) относительно ко времени: ясный, ведренный (*красный день, красное лето*); 5) употребляется иногда к описанию дел, страстей, произведений изящных, превосходных, похвальных, удобных и способных к чему» [8, т. 3, с. 902].

По-разному осмысливается сохранность связи значений «красный» и «красивый» в словарях XIX века. В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года эти значения даются как самостоятельные слова (омонимы), что говорит о распаде полисемии. Таким образом, колоратив *красный* рассматривается авторами академического словаря как немотивированное слово, не связанное с *красный* – «красивый». В. И. Даль приводит их в одной словарной статье.

Словарь В. И. Даля дает возможность увидеть более широкий спектр семантических производных от значения «красный», чем академические словари. В словарной статье на слово *красный* в качестве прямого значения В. И. Даль дает значение цвета, в качестве переносного – положительно окрашенные значения «красивый, прекрасный», «превосходный, лучший» [4, т. 2, с. 794]. Значение «превосходный, лучший» иллюстрируется примерами различных устойчивых словосочетаний, в которых оно реализуется: *красный товар* (аршинный, панской), *красный зверь* (медведь, волк, лиса, рысь и пр.), *красная рыба* (бескостная, хрящевая: белуга, осетр, севрюга и шин), *красная изба* (чистая, белая), *красный угол* (передний, старший, где иконы и стол), *красное крыльцо* (переднее, парадное, приемное) и др. [4, т. 2, с. 794].

У слова *дикой* интересна сохранность связи прямого, первичного значения и цветового. Опираясь на словарные материалы, собранные В. И. Далем,

можно утверждать, что в прямом значении слово не являлось колоративом: «в природном виде состоящий, не обработанный человеком; неручной, необузданный, свирепый; суровый; чуждающийся людей» [4, т. 1, с. 387].

В одной статье с прямым значением слова В. И. Даль также дает и второе, переносное – «сероватый, серый, голубо-серый» и иллюстрирует его примером словосочетания *дикий камень* [4, т. 1, с. 387].

По утверждению Р. М. Кирсановой, слово *дикий* в XIX веке описывало всякий находящийся в первоначальном состоянии (не обработанный человеком) материал: камень, сырье, дерево, волокно и др. Цветовое значение слова сформировалось в результате того, что в России основным ткацким сырьем выступал лен, в необработанном состоянии имеющий серый цвет [5, с. 90]. Так возникает диффузия качественной и цветовой характеристики в значении. В приведенном выше словосочетании *дикий камень* прилагательное могло характеризовать как качество камня и его состояние (природный, необработанный), так и его цвет (серый).

С точки зрения сохранности мотивационных связей весьма интересен колоратив *розовый*. В «Словаре Академии Российской» (2-е изд., 1822 год) значения качественного и относительного прилагательного даются в одной словарной статье, розовый цвет определяется через сходство с цветом розы: «1) Принадлежащий розе. *Розовый запах*. 2) Из розанов добытый. *Розовая вода*. *Розовое масло*. 3) Цветом на розан похожий. *Розовый платок*. *Розовая тафта*. *Розовые ленты*» [8, т. 5, с. 1068]. В окраске роз розовый оттенок называется в качестве основного: «Цветки, приносимые кустами тернистыми, имеющие большею частью бледно-алый цвет, иногда же белый и желтый» [8, т. 5, с. 1065].

В словаре В. И. Даля колороним *розовый* отнесен к словообразовательному гнезду с производящим словом *роза*, которое произошло от латинского *rosa* и обобщенно называло несколько видов цветущих растений: дикая роза (шиповник), садовая роза, китайская роза (гибискус) [4, т. 4, с. 91]. Значение колоратива *розовый* у В. И. Даля поясняется примерами, в которых цвет определяется через окраску цветка: *розовое платье* (цвета алых роз), *розовый кварц* (цвета розы) [4, т. 4, с. 91].

Исходя из этого можно сделать вывод, что семантическая и словообразовательная мотивационная связь между лексемами *роза* и *розовый* в XIX веке была еще живой. В словарях современного русского языка, например в толковом словаре С. И. Ожегова, качественное и относительное прилагательные *розовый* даются как омонимы, в разных словарных статьях, и в толковании семантики колоратива не упоминается роза, а используются другие эталоны: «цвета недозрелой мякоти арбуза, цветков яблони, белый с красноватым оттенком» [7, с. 683].

Происхождение колоратива *коричневый* связано с существительными *кора* и *корица*. А. П. Василевич утверждает, что *корица* – исконно русское слово, уменьшительная форма существительного *кора*, означало среднюю мягкую часть коры, которую зачастую использовали для разных целей (драли лыко, получали красители и др.) [2, с. 10].

В. И. Даль включает слово *корица* в статью с вершиной *кора* и определяет его значение как «пряная, средняя кора, подкорье коричневого дерева, и само дерево». Первичное значение слова *коричневый* – «коричный, к корице относящийся», цветное значение – «цвет коры, корицы, коряной» было производным, вторичным [4, т. 2, с. 769]. Колоративное значение во всех словарях XIX века дается не в качестве самостоятельного слова, а в качестве лексико-семантического варианта. Этот факт указывает на то, что мотивационные связи между *кора*, *корица* и *коричневый* были прозрачными в эту эпоху.

Судя по материалам «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 года, в середине XIX века адъективы *коричный* и *коричневый* были словообразовательными вариантами, поскольку обладали тождественной семантической структурой, ср.: *коричневый запах, коричневое масло* [9, т. 2, с. 204]. Словарь В. И. Даля показывает, что во второй половине века наметилась дифференциация значений этих прилагательных: *коричный* стало чаще употребляться в качестве относительного прилагательного, а *коричневый* – колоратива. В. И. Даль оценивает употребление прилагательного *коричневый* в качестве относительного как нарушение языковой нормы: «*коричневый* неправильно вместо *коричный*, к корице относящийся» [4, т. 2, с. 769].

Рассмотренные примеры позволяют сделать вывод, что словари русского языка XIX века представляют собой важный источник изучения принципов лексикографического описания, системных связей колоративной лексики и эволюционных процессов в ней.

Литература

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 287 с.
2. Василевич А. П. Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ. М.: Ком. книга, 2007. 320 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 1-е изд. М.: Тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1863–1866.
5. Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18 – первой половины 20 вв. (опыт энциклопедии). М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. 381 с.

6. Крамкова О. В. Принципы лексикографического описания колоризмов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4(2). С. 568–571.

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.

8. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 5. Спб.: Тип. Имп. АН, 1806–1822. 1142 с.

9. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской АН: В 4 т. 1-е изд. Спб.: Тип. Имп. АН, 1847.

УДК 811+34.01

А. Н. Беляев (г. Уфа)

Башкирский государственный аграрный университет

Имя и право в немецком социуме

В статье освещаются исторические вопросы становления права на имя; рассматриваются юридические вопросы выбора личных имен в современном немецком этносоциуме; затрагиваются вопросы о количестве даваемых имен при рождении, а также о смене фамилии при заключении и расторжении брака.

Ключевые слова: междисциплинарность, немецкий язык, имена собственные, личное имя, право

Развитие различных направлений в современной ономастике характеризуется прежде всего одной главной линией, а именно охватом онимикона языка в его целостности с учетом его реального функционирования в обществе. Если ономастика развивалась в колыбели исторического изучения языков, которое долго сосредоточивалось главным образом на инвентаризации отдельных языковых явлений разных уровней в древних текстах, то ее юность ознаменовалась поиском новых путей, а вместе с тем – многими удачами и находками, обеспеченными прежде всего общесистемным подходом к анализу материала. Ономастика – относительно молодая наука. В настоящее время целью многочисленных ономастических исследований является выяснение того, как устроена в той или иной стране принятая там система имен собственных (и ее подсистем), какое положение она занимает в языковой системе и какие в этой области возможны типологические обобщения. Современные проблемы ономастики, которые были поставлены еще в 70-80-х гг. прошлого столетия, по-прежнему требуют дальнейшей углубленной проработки. К ним также можно отнести вопро-